

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДЫ

УДК 303.442.4

DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.r5rm-e938

EDN: PRRVKD

ГЕННАДИЙ ВИКТОРОВИЧ КАНЫГИН

*Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

НАРРАТИВ И ЕГО ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Статья открывает цикл из пяти работ, в которых анализируются эпистемологические особенности нарратива как инструмента структурирования социальной информации на основе ее смыслов. В статье формулируются исследовательские гипотезы, общие для всех работ цикла: о выражении смысловой структуры нарратива в неявной форме; о семантической декомпозиции сюжета нарратива; о выражении латентного знания посредством текста; о возможности порождения смыслового единства нарратива в виде его смысловой структуры; о существовании нарративов разных типов. Изложение строится на раскрытии понятия «смысловая операция», подчеркивающим специфику вербального повествования как практически используемого инструмента, позволяющего человеку проявлять свои латентные знания посредством грамматически структурированного текста. Среди ключевых эпистемологических особенностей нарратива, сформулированных в статье: возможность преодоления с его помощью парадигматических ограничений естественно-научных подходов; прагматическое использование навыков как семантического обоснования нарратива; преходящий характер текстового способа выражения латентных человеческих знаний. Сформулированы предложения по улучшению функциональных возможностей анализа социальной информации на основе смыслов путем создания структурного нарратива. Структурный нарратив представлен как концептуальная основа новых информационно-коммуникационных технологий, предоставляющих своим пользователям функциональность современных онтологических методов при оперировании социальной информацией на основе смыслов.

Ключевые слова: структурный нарратив, навыки, грамматически структурированный текст, смысловая структура, неявное знание, латентность

Ссылка для цитирования: Каныгин Г. В. Нарратив и его эпистемологические особенности // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 25. — С. 5–31. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.r5rm-e938; EDN: PRRVKD

Введение

Актуальность. Функционирование любого общества поддерживается благодаря социальным действиям его акторов, в числе которых среди прочих оказываются организации, институты, структуры власти, граждане, общественные объединения. Сегодня огромная масса акторов по всему миру организует и согласует свои социальные действия посредством единого, объединяющего всех средства — нарратива¹. Опираясь на эту практику функционирования общественных процессов, социальные ученые используют то же инструментальное средство — словесное повествование — в качестве основного инструмента исследований общества.

Однако несмотря на применение нарратива в бесчисленных случаях социальной коммуникации, специфическая функциональность этого инструмента понимается сегодня социологами крайне неубедительно. Так, R. Berger и R. Quinney следующим образом резюмируют исследовательские взгляды по поводу нарратива в области социологии: «В целом нарратив — это рассуждения о повествовании и его структуре»² (Berger, Quinney 2004: 4). Всеобщность практического применения нарратива и отсутствие общепринятых взглядов на каноны его функционирования делают этот инструмент актуальной темой научного социологического исследования.

Предмет, проблема и гипотезы исследования. Нарратив — это специфический способ оперирования информацией, в частности, о социуме, посредством ее структурирования на основе *смыслов*. За счет своих *навыков*, полученных в результате *социализации*, человек научается понимать, выражать, сравнивать, агрегировать и выполнять другие операции со *смыслами* (иначе — *смысловые операции*) путем редактирования их текстовых обозначений. Например, вводя новые осмысленные слова, согласуя их между собой с помощью грамматических правил, заменяя одни слова на другие, меняя расположение слов в потоке текста и т. п.

¹ Синонимы в рамках статьи — [словесное] повествование / рассказ, медийный ресурс, ресурс человеческого общения, инструмент социальной коммуникации, текстовое / словесное свидетельство, осмысленный текст.

² В оригинале — «in general, narrative is about stories and story structure».

Затруднения, возникающие у автора нарратива при составлении его текста, можно пояснить примером, известным с детства. Все школьники пишут сочинения, типичным названием которых считается «как я провел это лето». Выражая свои воспоминания о лете на бумаге, каждый испытывает «муки слова». По нашему убеждению, источник этих словесных затруднений лежит в первооснове нарратива. «Мозг запоминает все!» (Черниговская 2024). Чтобы суметь разделить свое знание с другими людьми в процессе социальных взаимодействий, человек вынужден научиться оперировать его огромными объемами с помощью слов.

Основной трудностью такого оперирования, ощущаемой в «муках слова», является сведение многообразия отношений реальности, zapomненных человеком, к виду словесных формулировок, составляющих нарратив. Эта трудность отчетливо возникает в социологических исследованиях, авторы которых ставят себе целью осмысленно реконструировать словесные свидетельства информантов, рассматривая их как основу собственных теорий, т. е. исследовательских нарративов (Thompson 2002).

Никто не в состоянии изменить природу нарратива: человек никогда не сможет с помощью слов выразить что-либо «до конца», так как всегда «знает больше, чем говорит» (Polanyi 1966). Однако нарратив — это исторически сложившийся способ оперирования огромными объемами информации, основанный на ее смысловом преобразовании. Такое преобразование осуществляется посредством навыков с помощью *формальной компоненты* выражения и согласования смыслов (Каныгин 2023). В сегодняшнем нарративе роль такой компоненты играет *текст*, структурируемый по *правилам грамматики* естественного языка.

Мы считаем, что «муки слова», испытываемые каждым при работе с нарративом, обусловлены прежде всего структурным несоответствием между, с одной стороны, иерархиями *паттернов*, являющимися образами реальности, автоматически запоминаемыми мозгом. С другой — *смысловыми структурами*, конструируемыми автором нарратива с целью выражения латентных образов посредством грамматически структурированного текста.

Наша основная гипотеза состоит в том, что, хотя указанное несоответствие, присущее любому нарративу, нельзя устранить, но можно радикально упростить задачу его преодоления для лиц, общающихся привычным способом с помощью слов. Для этого необходимо предоставить авторам словесного повествования более совершенные инструменты смысловых преобразований, чем текст и грамматические правила

его структурирования, которые применяются сегодня. Тем самым для агентов³, взаимодействующих посредством словесных рассказов, принципиально упростится задача согласования смыслов, выражаемых ими посредством нарратива.

Методы исследования. Для практической проверки этой гипотезы по результатам прикладных исследований мы создали компьютерную программу Diagogue, функциональность которой представляет собой программную реализацию искомым более совершенных формальных инструментов нарратива. Хотя эта программа еще не описана нами как законченный информационный продукт в силу ее пилотного воплощения⁴, но прикладное применение разработанного приложения при концептуализации исследовательских нарративов (Каныгин, Полтинникова, Корецкая 2017; Каныгин, Хорева 2022) позволяет утверждать, что функциональность Diagogue воспроизводит известные в информатике онтологические отношения (Noy, McGuinness 2001). В их числе: модульная структура словесных обозначений, наследование, полиморфизм, инкапсуляция, компиляция.

Любой нарратив предполагает, что использующие его лица обладают навыками, которые позволяют оперировать текстовой информацией посредством ее структурирования на основе смыслов. Категория смысла трудна для научного выражения из-за своей латентной первоосновы. Для разъяснения специфики нарратива мы основываемся на идее латентности, получившей распространение благодаря работам П. Лазарсфельда (Swedberg 2018: 26–29). Сегодня этот подход методологически переплетается с концепцией неявного знания, предложенной М. Полани (Polanyi 1966; 1969) и развитой в работах его последователей И. Нонака и Х. Такеучи (Nonaka, Takeuchi 1995), а также их многочисленных идейных продолжателей (см. обзоры (Chergui, Zidat, Marir 2020; Dragicevic et al. 2020; Mohajan 2016)).

В своем исследовании мы используем технику интроспекции (Eysenck, Keane 2005) в качестве релевантного концептуального способа, позволяющего проследить инструментальные связи между

³ Мы различаем лиц, находящихся во взаимной коммуникации с помощью нарратива. Автор — человек, выражающий «смыслы своей головы» (Wagner 2006) в виде текста. Реципиент — человек, ментально распознающий смыслы нарратива посредством своих естественно-языковых навыков. Агент — человек, попеременно играющий роли автора и реципиента при оперировании нарративом в процессе социальной коммуникации.

⁴ В частности, программа не снабжена соответствующей системой инструкций, недоработаны пользовательские интерфейсы, слабо развиты функции экспорта-импорта данных и т. п.

смыслами нарратива и возможностями их формального выражения посредством текстовых обозначений.

Гипотезы исследования. Наш собственный научный опыт, сформировавшийся благодаря оперированию исследовательскими нарративами, свидетельствует о существовании ряда методологических оснований или кредо, с той или иной степенью отчетливости используемых исследователями независимо от предметной области, в терминах которой они работают. Отталкиваясь от собственных формулировок кредо такого сорта, сформулируем ряд гипотез нашего исследования.

Во-первых, считается, что многообразные средства структурирования текста, например таблицы, диаграммы, когнитивные карты и т. п., безусловно способны помочь агенту при анализе смысловых связей нарратива. В качестве гипотезы мы выдвигаем тезис, что «пишущий человек» нуждается в «концептуальной помощи» уже на стадии формирования осмысленного текста. В первую очередь автору нарратива нужны не дополнительные средства структурирования смыслов готового повествования, а расширение функциональных возможностей того структурирования, которое встроено в само повествование. Сегодня функции формального структурирования смыслов нарратива выполняются текстом, упорядоченным по правилам грамматики естественного языка. Внедрение в придачу к тексту дополнительных инструментальных возможностей структурирования смыслов чревато генерацией концептуальных артефактов, фальсифицирующих выражаемые смыслы.

Во-вторых, не вызывает сомнения, что нарратив, существующий в привычном виде текста, представляет собой универсальное средство описания общества. Именно с его помощью пишутся статьи, разрабатываются планы, обнаруживаются стратегии, издаются постановления и т. п. Как гипотезу, требующую дальнейшего анализа, отметим, что посредством нарратива многочисленные социальные акторы, включая исследователей, не только описывают общество, но и выполняют *декомпозицию* невообразимо сложных социальных отношений (Urry 2005). Нарратив — это специфичный инструмент, позволяющий практически распараллеливать исследовательскую работу, выполняемую в социологии на сугубо неформальных, смысловых основаниях оперирования информацией.

В-третьих, нарратив — это сугубо гуманитарная техника анализа социума: ее применение зиждется не на строгих правилах, а на опыте социальных ученых. Такой опыт невозможно канонизировать по образцам точных наук. Вместе с тем агент нарратива, будучи вынужден раскрыть и передать свои знания другим людям, оперирует «неформальным» средоточием опыта — латентным знанием — с помощью

«формального» текста. Гипотеза состоит в том, что, работая с неявным знанием с помощью нарратива, его агент использует сугубо формальные приемы, известные в точных науках: указание контекста, переопределение словесных обозначений, соблюдение закона тождества при обозначениях и другие. При этом, будучи ограниченным в своих концептуальных действиях формальным аппаратом нарратива — текстом и грамматическими правилами его структурирования — агент оказывается существенно ущемлен в возможностях передачи своего опыта другим людям с помощью словесного рассказа.

В-четвертых, в лингвистике и нарративном анализе установлено, что ключевой особенностью рассказа служит его смысловая целостность, которая не имеет структурного или количественного выражения и отслеживается агентами нарратива с помощью своих умений мыслить неформально. Оценку смысловой целостности нарратива способен выполнять только человек. Наша гипотеза не подвергает сомнению это положение. Она заключена в тезисе, что в зависимости от функциональных возможностей формальной компоненты нарратива, которую применяет его агент на основе своих навыков, смысловая целостность может быть представлена инструментально. Оригинальным приемом такого представления способна служить генерация смысловой структуры повествования из множества его смысловых переходов, формируемых авторами нарратива по отдельности в процессе развертывания словесного повествования.

В-пятых, результаты анализа каждой из высказанных выше гипотез представляют собой нарративы, с помощью которых сформулированы методологические посылки и принципы, выражающие наши взгляды на словесное повествование. Традиционно выражая свои взгляды в виде текста, мы оказываемся ограниченными в возможности артикулирования полученных результатов, из-за того, что «человек знает больше, чем говорит» (Polanyi 1966). Поэтому мы придерживаемся гипотезы, что более выразительным и концептуально емким способом формулирования посылок и принципов структурного нарратива оказывается создание компьютерной программы, в основе которой лежат модели, предварительно описанные с помощью слов.

Задачи статьи. Для каждой из перечисленных выше гипотез задумана отдельная публикация, описывающая результаты ее анализа теми понятиями и с той степенью их концептуальной детализации, которые представляются необходимыми для целостного объяснения предпосылок, принципов и моделей, положенных в основу нового вида словесного повествования, названного нами структурным нарративом.

В данной работе, первой из намеченного цикла, сначала вводится базовая терминология, которой мы придерживаемся во всех запланированных статьях. В числе вводимых понятий: смысловая операция, формальная компонента нарратива, грамматически структурированный текст и другие. Затем подвергается анализу широко распространенное методологическое кредо о дополнительных средствах структурирования, помогающих читателю нарратива лучше представить смысловые связи последнего. В заключении статьи, в качестве планов дальнейших исследований, анонсированы остальные предполагаемые публикации серии.

Исходная идея структурного нарратива

Наши рассуждения строятся на убеждении, что исследование нарратива в качестве общепринятого средства социальной коммуникации не должно сводиться к созданию очередного словесного повествования, которое лишь пересказывает уже сказанное. Исследование нарратива должно представлять собой анализ *смысловых операций*. С помощью таких операций автор рассказа преобразует смыслы своего индивидуального опыта, скрытые в его «голове» (Wagner 2006), в доступную для всех форму текста. Мы исходим из того, что на сегодня не существует общепринятых моделей, воспроизводящих смысловые действия, которыми пользуется человек при оперировании этим медийным ресурсом (Dragicevic et al. 2020). Тем самым анализ словесного рассказа в качестве инструмента коммуникации между людьми предполагает широкое использование *конкретных примеров*. Такая практика характерна для исследований, сталкивающихся с латентными феноменами (Polanyi 1969; Virtanen 2014).

Посредством общеизвестных примеров любой человек обретает возможность понимания особенностей функционирования словесного рассказа благодаря своим *навыкам* (Virtanen 2014: 137–139), полученным в результате *социализации* (Nonaka, Takeuchi 1995). Мы не стремимся построить теорию нарратива, согласующую различные исследовательские взгляды на то, как устроен и практически используется этот медийный ресурс. Наша цель состоит в совершенствовании уже существующего и практически используемого *инструментального аппарата* современного словесного рассказа — текста и правил его грамматического структурирования, с помощью которых агенты нарратива оперируют «неформальными» смыслами посредством «формальных» обозначений.

В качестве примера, позволяющего начально пояснить связи между смыслами нарратива и выражающим их текстом, рассмотрим фразу

«мальчик едет на велосипеде». Опираясь на опыт рассказчика и слушателя, присущий каждому из нас, приведем примеры *смысловых операций*, которые представляются нам понимаемыми для данного случая.

- *Выделение отдельных смыслов* с помощью их текстовых обозначений. Такими обозначениями служат «мальчик», «ехать», «велосипед», которые возникают не сами по себе, а благодаря нашим общечеловеческим навыкам понимания смыслов.
- *Попарное связывание смыслов* между собой с помощью их обозначений. Каждый из нас понимает, что «мальчик» и его действие «ехать» связаны между собой по смыслу⁵. Навык использования нарратива подсказывает, что также по смыслу связаны обозначения «ехать» и «велосипед».
- Сама фраза *соединяет* отдельные указанные *смыслы* в единое целое. Таким образом, каждый из нас использует рассматриваемую фразу для понимания реальных или вымышленных ситуаций, которые идентифицируются посредством всей совокупности единичных смыслов.

Раскрытие понятия смысловой операции, выполняемой с помощью нарратива, посвящено все наше исследование, разворачиваемое в нескольких заявленных публикациях. Однако уже сейчас внимательное прочтение примеров позволяет предложить отправное разъяснение. В целом смысловая операция представляет собой использование автором и реципиентом нарратива связи между *однозначно понимаемым текстовым обозначением*⁶ и некой *латентной репрезентацией* реальности, которая благодаря предыдущему социальному опыту каждого человека возникла «в его голове» и теперь доступна для практического оперирования с помощью слов. Обычно *смыслом* называется *сама латентная репрезентация*, ассоциированная с обозначением, но тот же термин часто выражает *связь* между декларируемым обозначением и тем, на что оно указывает. В практике социальной коммуникации смыслом могут оказаться феномены разной природы — материальные объекты, персоны, события, чувства, действия, переживания и т. п. Но также в качестве смысла могут фигурировать другие обозначения. Общеизвестным примером последнего являются «большие языковые модели» (Блог про нейросети 2024).

⁵ Синоним в рамках статьи — мысленно соединены.

⁶ Обозначение — это однозначно понимаемый знак. В качестве такового можно воспринять крик, вспышку, жест и т. д. Далее, ограничиваясь тематикой нарратива, мы полагаем, что любой знак является текстом, т. е. потоком, составленным из цифр и букв.

Основные посылки, мотивы и понятия структурного нарратива

Гуманитарная специфика нарратива. В социологии, особенно в ее качественном прочтении, смыслом служат сугубо индивидуально воспринимаемые феномены — переживания, чувства, оценки. Такие аспекты социальной реальности, с позиций естественно-научных подходов, расцениваются скорее как что-то эзотерическое, выходящее за пределы науки, чем как факты, способные породить научную теорию (Allais 1990).

Мы понимаем и принимаем недоумение представителей точных наук по поводу нарратива. Однако заметим, что словесное повествование — это специфически гуманитарный способ передачи знания, который позволяет преодолеть парадигмальную ограниченность самих естественно-научных теорий, описанную Т. Куном применительно к области исследований оптических явлений (Kuhn 1962). «Гуманитарный» в нашей трактовке означает, что нарратив существенно использует специфическое умение каждого человека понимать смыслы как своих, так и чужих действий, выражаемые словесно.

Ключевым преимуществом гуманитарного подхода служит отказ от методологических посылок, лежащих в основе научных методов, но неизвестных участникам обыденной социальной коммуникации. Например, принятие понятия пространства, на котором основываются математические методы в социологии, в качестве основы теоретических рассуждений о социуме. Или неявная посылка компьютерных методов, согласно которой участники социальных процессов должны быть пользователями информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Обыватели в практике своего повседневного общения с помощью нарратива вполне успешно обходятся без основополагающей идеи Декарта, равно как и без посредничества компьютера.

С помощью нарратива его автор не описывает социальный процесс «до конца», а рассказывает своей целевой аудитории о тех или иных *действиях*, которые предстоит совершить кому-то в определенных условиях. Такой рассказ не требует естественно-научной детализации, основанной на однозначно понимаемых фактах и выполняемой по образцам точных наук. Нарратив создается с точностью до понимания его агентами собственных действий, предписываемых автором повествования. Факты в естественно-научном прочтении оказываются лишь способом обеспечения взаимопонимания между автором и реципиентами нарратива. Словесное повествование в той же степени воспроизводит

существующую социальную реальность, в какой оно ее конструирует в процессе людских взаимодействий (Berger, Luckmann 1996).

Первопонятия нарратива обоснованы навыками его агентов. Действия, описываемые с помощью нарратива, основаны не на ясно сформулированных научных методах, например математических или компьютерных, а на человеческих *навыках*, которыми обладают как автор, так и его реципиенты. Навыки приобретаются агентами нарратива в процессе своей социализации. Мы рассматриваем навыки как сугубо ментальные феномены на основе подходов, заложенных в области управления знаниями М. Полани, И. Нонака и Х. Такеучи, а в области социологии — П. Лазарсфельдом. Включение навыков в научный дискурс затруднено их латентной природой, вынуждающей искать новые трактовки таких известных научных понятий, как *отображение, модель, факт, наблюдатель* и ряд других, используемых в науке для описания процессов, протекающих в обществе.

Причиной проводимых нами поисков служит осознание того факта, что естественно-научные понятия, примеры которых приведены в предыдущем абзаце, разработаны в условиях предполагаемой *наблюдаемости* социальных явлений, изучаемых с их помощью (Каныгин 2010). Обращение к навыкам в качестве инструмента оперирования нарративом нарушает это условие по ряду причин. Прежде всего, из-за того, что любые операции по управлению смыслами нарратива оказываются наблюдаемы его агентами специфическим образом, не осуждаемым в традиции естественно-научных подходов.

Специфику нарратива в качестве инструмента социальной коммуникации мы называем асимметричной наблюдаемостью по аналогии с известным социологическим понятием асимметричной атрибуции (Моин 1990). Понятие асимметрии передает различие ролей автора и реципиентов нарратива в процессе приписывания смыслов текстовым обозначениям. Первоначально слова обретают смысл в составе нарратива по воле его автора на основе латентного знания, хранящегося в «его голове» (Wagner 2006). Реципиенты могут обратиться к своему латентному знанию, существующему «в их головах», лишь после того как смыслы окажутся артикулированы самим автором с помощью манипуляций с текстом.

В этом случае возникает ключевой вопрос, в какой мере использование автором грамматически структурированного текста в качестве инструмента выражения смыслов позволяет воспроизвести «иерархии» последних в «собственной голове» автора нарратива? Опасения по поводу релевантности такого воспроизводства возникают из-за природной

сложности социальных феноменов (Urry 2005) — главного предмета социологических нарративов, а также практических трудностей смысловой реконструкции словесных свидетельств информантов, появляющихся у социологов, занятых прикладными исследованиями (Thompson 2002).

Нарратив — это совокупность рецептов по осуществлению человеческих действий. Как сказано выше, отсутствие общей модели функционирования навыков, используемых человеком в своих социальных действиях, заставляет нас при объяснении специфики нарратива основываться на *примерах* ситуаций, общеизвестность которых компенсирует отсутствие модельного знания. В частности, вслед за разработчиками концепции неявного знания мы используем известные каждому ситуации, связанные с ездой на велосипеде (Polanyi 1969: 147). Что такое сесть на велосипед, как на нем ехать, почему существуют разные виды этих устройств — ответы на эти вопросы состоят не в разъяснениях «до конца», а в наличии у каждого агента нарратива навыков обращения с велосипедом в соответствующих ситуациях. Мы рассматриваем навыки как специфические ментальные механизмы, функционирование которых не моделируется общепринятыми научными методами. Однако в результате того, что нарратив функционирует как инструмент общения социализированных лиц, любой навык, подразумеваемый автором нарратива, предполагается доступным для понимания каждому агенту последнего.

Каждый агент нарратива способен использовать навыки как «черный ящик», т. е. не зная, каким образом функционирует его умение, пользоваться результатами его применения. Например, я не знаю, как мне удастся ехать на велосипеде, в частности, какие движения выполняют ноги, каким образом я сохраняю вертикальное положение своего тела, как происходит дыхание и многое другое. Все эти аспекты моей езды на велосипеде, выражаемые посредством рассказа, оказываются представлены с помощью коротких фраз, например, «я еду на велосипеде», «перемещение с помощью мускульной тяги», «мой двухколесный друг» и т. д. Эти слова как раз служат инструментом обращения с помощью нарратива к моим велосипедным навыкам, устройство которых мне неизвестно как любому другому реципиенту моего рассказа. В то же время, так же как я, любой реципиент понимает изложенное в нарративе, так как благодаря пройденной социализации владеет соответствующими умениями, словесно описанными в моем повествовании.

Формальные инструменты оперирования смыслами посредством нарратива. Применение человеком при смысловых операциях своих навыков не регламентировано какими-либо предопределенными методами,

скажем, форматами информации; алгоритмами ее агрегирования; правилами декомпозиции, например, в виде системы координат и т. д. Однако, несмотря на латентную природу навыков, мы подчеркиваем, что для их практического применения агенты современного нарратива используют вполне формально идентифицируемые приемы, выражаемые в виде текста, структурируемого по грамматическим правилам. Это означает, что поток текста предварительно фрагментируется на отдельные текстовые составляющие посредством навыков на основе смыслов. Скажем, «мальчик», «едет», «велосипед», если вспомнить пример выше. Полученные таким образом краткие тексты, идентифицирующие отдельные смыслы, согласуются по правилам грамматики естественного языка. Именно таким формально выраженным методом соединяются отдельные смыслы любой фразы и становятся доступными для понимания каждому агенту нарратива. Например, «я еду на велосипеде».

Таким образом, скрытые от стороннего наблюдателя ментальные действия агента, выполняемые благодаря навыкам, в практике социальной коммуникации осуществляются им с помощью наглядных манипуляций с текстом. Люди взаимодействуют посредством текстов, но делают это благодаря взаимному пониманию смыслов, которые оказываются доступными для осознания именно в результате «их извлечения из голов» в виде алфавитно-цифровых последовательностей, структурируемых по правилам грамматики естественного языка.

Смысловое единство нарратива. Ключевое эпистемологическое своеобразие нарратива будем обозначать термином «смысловое единство». В понимании этого концепта оттолкнемся от следующего разъяснения: «это то, что обеспечивает единство текста как смыслового целого, его внутреннюю цельность» (Валгина 2003: 29).

Будем представлять себе смысловое единство как специфический регулятор, используемый агентом для оценки своих смысловых операций, выполняемых с помощью нарратива. Эти операции совмещают в себе как интуитивно понимаемую, сугубо индивидуально наблюдаемую латентную компоненту словесного повествования, так и управление ею с помощью текста, видимого всеми. Посредством такого прагматического совмещения ментальных *навыков* и текстовых инструментов их выражения человек превращает свое *латентное знание*, доступное для понимания только ему, в *документ* межличностной коммуникации. Смысловое единство — это один из ментальных инструментов, который возник в результате социализации и позволяет контролировать осмысленность такого превращения.

Латентная природа смыслового единства становится понятнее, если проанализировать пример, на котором демонстрируют этот феномен в нарративном анализе (см. (Троцук 2005)). Рассмотрим, как изменяются наши оценки связности нарратива, составляемого из трех фраз. (1) «Джон улетел в пять часов вечера». (2) «Питер уехал в аэропорт в восемь часов вечера». (3) «Они хотели провести выходные вместе». Каждая из фраз (1) и (2) воспринимается как смысловая целостность за счет того, что отдельные смыслы взаимосвязаны фразой друг с другом и тем самым составляют ее смысловое единство.

Однако, если из фраз (1) и (2) составить единый текст, то такой нарратив уже не будет представлять собой смысловое единство, так как по смыслу фразы окажутся не связанными друг с другом. Если же теперь дополнить полученный двухфразовый нарратив фразой (3), то возникший таким образом трехфразовый нарратив обретет смысловое единство, так как очевидно, что все три предложения этого нарратива окажутся взаимно связаны по смыслу.

В нашем прочтении, пример показывает, что вердикт о смысловом единстве выносится агентом нарратива благодаря ментальной работе, которая в своей наблюдаемой части представляет собой манипулирование текстом, т. е. группами символов алфавитно-числового потока. Такое манипулирование осуществляется автором посредством: введения новых текстовых обозначений; выражения их смысла с помощью указания контекста; связывания смыслов вводимых обозначений через упорядочение последних между собой в составе текстового потока; структурированием текстового потока с помощью грамматических правил. Смысловые операции, наблюдаемые всеми агентами нарратива в своей наблюдаемой текстовой части, не являются аналитической процедурой, подчиняющейся общеизвестным правилам.

Указанные манипуляции с текстом нарратива воспроизводят смысловые связи, понятные агенту нарратива благодаря его опыту, фиксирующему результаты его предыдущих социальных действий. Выражение смыслов и оперирование ими в виде изменений текста осуществляются агентом благодаря естественно-языковым навыкам, полученным им в результате социализации, и воспроизводят сугубо индивидуальный опыт автора словесного повествования.

Мы стремимся объяснить феномен смыслового единства не путем его компьютерного моделирования, а через прагматику смысловых действий агента, позволяющих человеку на практике конструировать смысловую целостность своего повествования. На наш взгляд, подтверждаемый основополагающими рассуждениями Polanyi

о взаимодействии знания и его физической организации (Polanyi 1969), в таких действиях ключевую роль играют навыки, которые представляют собой мощные ментальные механизмы оперирования смыслами. Устройство и когнитивные функции навыков на сегодня неясны для разработчиков ИКТ (Dragicevic et al. 2020). Однако такая инструментальная проблематичность навыков для ИТ-специалистов не мешает многочисленным социальным акторам практически их использовать в ходе совместных социальных действий.

Продолжим изложение нашего представления о смысловом единстве нарратива анализом его наблюдаемой компоненты — формально понимаемого текста и грамматических правил его структурирования, использование которых позволяет говорить еще об одном характерном феномене нарратива — его *смысловой структуре*.

Смысловая структура словесного повествования. Будем исходить из прагматического понимания смысловой структуры, источником которой может служить любое словесное повествование, скажем, «мальчик едет на велосипеде». В этом, как и в любом другом тексте, используемом для человеческого общения, реципиент различает отдельные смыслы. В данном случае они релевантно передаются словами — «мальчик», «ехать», «велосипед». За счет такого распознавания каждый из нас на основе нарратива создает в своей голове смысловые элементы, лежащие в основе структурного представления словесного рассказа.

Привычным способом формирования смысловой структуры служит сама фраза. Анализируемое словесное высказывание представляет собой не только совокупность отдельных смыслов, но и структуру отношений между ними. Обладая естественно-языковыми навыками, эту структуру нетрудно представить в явном виде, например, «мальчик» → «ехать» → «велосипед». В данном случае структура оказывается предельно простой: цепочка линейно связанных смыслов (Валгина 2003). В основе цепочки лежит феномен фразового смыслового единства (ФСЕ) (Валгина 2003), без труда прослеживаемый для коротких нарративов, которыми являются отдельные фразы, абзацы, словарные статьи и т. п.

Что такое ФСЕ на примере? Воспринимая короткий рассказ, скажем, о мальчике на велосипеде, каждый понимает, что обозначение, наблюдаемое в тексте, например «мальчик», существует, во-первых, относительно сконструированной или природно обусловленной ситуации, которая не исчерпывается отдельным своим аспектом, только что названным «мальчик». Во-вторых, в рамках такого интуитивно воспринимаемого ситуационного единства текстовое обозначение «мальчик» оказывается наблюдаемой единицей нарратива, связанной по

смыслу с аналогичной единицей — «ехать». Последняя, в свою очередь, представляется «мысленно соединенной» еще с одним осмысленным обозначением — «на велосипеде».

Инструментальная специфика нарратива, которую мы стараемся подчеркнуть на примерах коротких осмысленных текстов, состоит в том, что смысловая структура, выражающая мысленную целостность любого из них, конструируется агентом без предъявления явно выраженных структур. Скажем, рисунков, диаграмм, схем и т. п. Наблюдаемым общепринятым средством установления смысловых отношений нарратива оказывается его текст, формально структурированный с помощью правил грамматики естественного языка. При этом существенным подспорьем агенту нарратива при создании текста оказывается сугубо латентный феномен внимания (Polanyi 1966).

Для коротких нарративов человеческое внимание позволяет ментально охватить смыслы отдельных фраз или абзацев полностью. Такой мысленный охват смыслов, которые каждый распознает в коротком рассказе, объясняет понятие ФСЕ. В случае же нарратива произвольного объема его агент выходит за рамки отдельных коротких фраз, абзацев, словарных статей и т. п. и сталкивается с двумя трудностями. Во-первых, с помощью навыков, в частности внимания, становится затруднительным мысленно сформировать целостный взгляд на многообразие смыслов, возникающих в нарративе. Во-вторых, грамматические способы формирования смысловой структуры нарратива, основанные на понятиях подлежащего, сказуемого, согласования последних в роде, числе, падеже и т. п., рассчитаны на выражение смысловых связей именно в коротких нарративах.

К такому утверждению нас приводит, например, использование местоимений, одного из грамматических приемов конструирования осмысленного текста. Этот прием предписывает обозначать один и тот же смысл разными словами. Например, продолжая нарратив о мальчике и велосипеде, можно сказать, что «он крутил педали изо всех сил». Тем самым тот, кто в первом предложении назван «мальчик», теперь обозначен словом «он». Такое заведомое непостоянство текстуальных выражений одного и того же смысла, являющееся одним из краеугольных правил грамматики естественного языка, не позволяет сторонникам применения нарратива в научных исследованиях получить интеллектуальную поддержку со стороны приверженцев естественно-научных методов (Allais 1990).

В случае коротких нарративов такого сорта затруднения преодолеваются за счет их «ментальной обозримости», выражаемой понятием ФСЕ.

Однако в общем случае применения нарратива, т. е. без ограничения его текстового, а значит, и смыслового объема, пределы обозримости выходят за возможности человеческого внимания осмысленно связывать отдельные текстовые обозначения с помощью грамматического структурирования текста. В общем случае прагматического применения нарратива в поисках смысловых оснований для аппарата его структурирования приходится выходить за рамки ментально ощущаемого феномена ФСЕ.

Неявное знание как образ реальности. Для нас идея целостности любого нарратива возникает из простого наблюдения, подтверждаемого исследователями в разных отраслях знания. Основополагающим смысловым действием, осуществляемым автором нарратива, является *запоминание* потока событий или ситуаций, из которых складывается его жизнь. «Мозг запоминает все!» Тем самым изначально в «голове» автора любого нарратива существует результат его персонального отображения реальности. Такой результат будем называть *образом* или *слепок* происходящего.

Синкретичность. Первородной особенностью слепка служит его синкретичность, т. е. отсутствие в нем сколько-нибудь выразительных структур, способных содействовать человеку в использовании получаемого им образного знания при осуществлении социальных действий. По своему происхождению образ оказывается целостным, но структурно не расчлененным гештальтом реальности.

С самого начала своей жизни человек учится распознавать отдельные аспекты в образах, предоставляемых ему природой. Воспроизводя посредством социальной практики такое обучение систематически, человек приобретает *навыки*, позволяющие ему распознавать и складывать возникающие аспекты образов в когнитивные паттерны, т. е. структурные образования, дополняющие и меняющие сам образ по мере приобретения нового опыта. Для пояснения этого процесса воспользуемся компьютерной метафорой. Возникновение и функционирование образа — это процесс превращения модели реальности, первоначально существующей в голове человека в *растровом* виде в *векторное* или структурное представление.

С одной стороны, инструментальная специфика образа удачно передается термином «растр», заимствованным из информатики. Растр — это множество «пятен точек», которое формируется в голове человека автоматически, независимо от его воли. Отображение реальности в виде растров создает возможность их дальнейшей систематизации за счет перевода этих синкретических слепков в структурный вид.

С другой стороны, растр и векторные модели оказываются лишь двумя сторонами метафоры человеческого знания, устройство которого современной науке неизвестно. В частности, поэтому, говоря об отображении реальности, которым практически пользуется человек при коммуникации с другими людьми посредством нарратива, мы характеризуем исходное знание человека как синкретичное.

Образ — первоначально синкретическое отображение реальности, предоставляемое человеку природой и воспринимаемое им как целостное ментальное образование, в процессе социализации и практики коллективных действий оказывается представленным структурно на уровне ментальных навыков. Именно к этому структурному представлению человек обращается в качестве первоосновы при конструировании *смысловой структуры* любого нарратива в виде его грамматически структурированного текста.

Огромные объемы информации. Образ несет в себе огромные объемы информации, которую крайне затруднительно практически использовать из-за отсутствия в нем внятных структур. Конечно, в некоторых случаях такая растровая информация может оказаться практически полезной. Скажем, вы можете поведать о том, что происходит за окном, сделав соответствующее фото. Но это уже не будет текстовым нарративом, который мы обсуждаем! Иначе говоря, послав фото кому-то, вы переложите задачу создания нарратива со своих плеч на плечи получателя снимка.

Декомпозиция образа. Чтобы передать увиденное средствами нарратива, его автор должен прежде всего распознать в наблюдаемой картине отдельные фрагменты. В составе рассказа эти фрагменты окажутся выраженными единичными словесными обозначениями — «мальчик», «схать», «велосипед». Совокупность таких отдельных осмысленных фрагментов представляет собой словесно выраженную декомпозицию того, о чем рассказывает нарратив. Возникновение такой декомпозиции становится возможным только благодаря навыку, позволяющему человеку распознать в наблюдаемой им картине отдельные компоненты и связи между ними.

Навык — основной знаниевый ресурс нарратива. Приобретение соответствующих навыков, в том числе распознавания происходящего, требует значительного времени и достигается в результате социальных взаимодействий. Для характеристики таких взаимодействий применительно к производственной организации И. Нонака и Х. Такеучи (Nonaka, Takeuchi 1995) предложили SECI-модель функционирования знания. С помощью навыков любой агент нарратива открывает для себя возможность практически превращать свое синкретическое

представление о реальности, получаемое в процессе жизни, в структурные паттерны, ассоциированные с исходным растровым слепком и дополняющие его.

Прагматичное использование навыков. Мы не знаем, как устроен механизм функционирования навыков. Причем мы не одиноки в своем незнании. Например, сторонники сетевого подхода в социологии также находятся в затруднении, каким образом представить себе понятие сети, заявляемое уже в названии подхода (Мальцева 2018). Еще один пример. IT-специалисты утверждают, что разработчики ИКТ и пользователи этих технологий изначально по-разному представляют себе способы структурирования информации. Специалисты основываются на определенных форматах данных, а пользователи — на общечеловеческих смыслах. При этом инженеры по знаниям не знают, каким образом согласовать эти конфликтующие походы в рамках единой технологии (Dragicevic et al. 2020).

Мы не стремимся воспроизводить в своих рассуждениях устройство навыков или каких-либо иных ментальных феноменов. Мы исходим из факта, что такие феномены не моделируются общепризнанным образом современной наукой, но их практическое использование прагматически доступно любому человеку благодаря своей гуманитарной природе, в частности владению естественным языком. Такого сорта незнание не мешает человеку использовать любой свой навык как «черный ящик».

Структурный нарратив. Выполненный анализ особенностей нарратива позволяет сформулировать наши предложения по совершенствованию его формального аппарата, с помощью которого агенты нарратива выполняют смысловые операции. Основной пункт предложений состоит в расширении функциональных возможностей существующих формальных инструментов нарратива — *текста* и *правил* его *грамматического структурирования* — за счет предоставления в распоряжение агентов *онтологических методов* (Noy, McGuinness 2001) управления смысловыми обозначениями, составляющими любой нарратив. В числе таких методов: *дискретное представление* смыслов посредством текстовых обозначений; *наследование* их связей в процессе выполнения агентом смысловых операций; *полиморфное определение* смыслов текстовых обозначений; *прототипирование* смысловых связей для их повторного использования; *инкапсуляция* смыслов посредством указания агентами их контекстов; *компиляция* единой явной смысловой структуры нарратива на основе множества локальных смысловых связей, создаваемых автором; *визуализация* любых смысловых операций агентов нарратива за счет их текстовых обозначений и другие.

Разрабатывая структурный нарратив, мы ищем ответ на вопрос, каким образом существующую сегодня социальную коммуникацию, основанную на смыслах и выполняемую посредством текстового нарратива, сделать более состоятельной за счет внесения в ее организацию принципов управления научным знанием, уже реализованных в современных ИКТ. В том числе: формулированием научных понятий на основе фактов; осуществлением инструментального контроля за изменением агентами нарратива его смыслов вне зависимости от объемов нарратива; независимостью принципов организации социального знания от тех или иных особенностей оперирующих им агентов и т. п.

Мы уверены, что компьютерная реализация наших предложений позволяет преодолеть известный концептуальный разрыв, существующий сегодня между, с одной стороны, практиками человеческого общения, основанными на взаимном понимании смыслов социальных действий, и, с другой, — формальными принципами оперирования знаниями, принятыми в информатике.

Дополнительные инструменты для выражения смыслов нарратива

Теперь рассмотрим широко распространенное исследовательское кредо, согласно которому для наглядности репрезентации смысловых связей нарратива последние полезно представлять с помощью *дополнительных инструментальных средств*. В качестве примеров упомянутых дополнительных формальных инструментов, относящихся к области социологии, отметим пакеты анализа качественных данных (QDA Miner 2024) и сетевой анализ (Мальцева 2018). В более широком методологическом плане вспомним об офисных пакетах, которые в дополнение к тексту, неотъемлемому формальному инструменту нарратива, предлагают таблицы разного вида, диаграммы, гипертекст и другие общенаучные приемы структурирования знаний. К тому же классу структурных решений, дополняющих инструментальную функциональность нарратива, мы относим компилируемые графы (Graphviz 2024). Наконец, по такому же пути разработки формальных методов, дополняющих функциональность нарратива при управлении смыслами, идут разработчики «больших языковых моделей» (Блог про нейросети 2024).

На наш взгляд, разработчики дополнительных средств исходят из спорной идеи. Фактически они считают, что нарратив уже кто-то создал, т. е. уже осуществил структурирование текстовой информации на основе

смыслов. Используя этот готовый рассказ, они предлагают осуществить его смысловое реконструирование с помощью тех или иных дополнительных средств (см. выше). Однако ради каких инструментальных преимуществ авторы нарратива должны обучаться дополнительным средствам его конструирования, если с помощью существующих навыков и интегрированного с ними грамматически структурированного текста они уже решили стоящую перед ними концептуальную задачу, например, написали сочинение «Как я провел это лето»?

Мы исходим из убеждения, что социальная коммуникация, осуществляемая в своих бесчисленных повседневных актах огромной массой людей посредством нарратива, представляет собой сложившуюся практику функционирования общества. Такая практика сформировала в качестве работающего инструмента своей организации осмысленный текст, называемый нарративом. Этот медийный ресурс имеет две стороны своего устройства, позволяющих ему функционировать в качестве универсального средства взаимодействий в обществе — понимание агентами смыслов человеческих действий посредством ментальных механизмов, применяемых прагматически, и оперирование агентами смыслами с помощью формального редактирования текста. В том числе: введения новых обозначений, редактирования уже существующих формулировок, идентификации смысла в виде текстового выражения, поиска и связывания смыслов за счет их выражения с помощью текстов и т. п.

Нарратив функционирует за счет обеих своих ипостасей: описывая велосипед с помощью текста, т. е. формально определенного потока символов, наблюдаемого всеми агентами, каждый из нас имеет латентные, сугубо индивидуальные представления о том, что собой представляет это приспособление для передвижения: что с ним можно делать, кто его хозяин и т. п. Нарратив — это применение словесных приемов описания чего-либо вне зависимости от предметной области, а также результат такого применения. Специфика нарратива состоит в неразрывной функциональности двух его ипостасей, сложившихся исторически и делающих его самодостаточным для целей социальной коммуникации, осуществляемой с его помощью.

При описанных обстоятельствах любые *дополнительные формальные* инструменты структурирования нарратива нуждаются в прояснении их функциональных возможностей по сравнению с уже существующими средствами смыслового структурирования, предоставляемыми нарративом. Предлагая собственные решения, мы исходим из «медицинского принципа» — не навреди! Мы опасаемся, что

использование дополнительных инструментов анализа текста способно привести к генерации «смысловых» артефактов. Поэтому, разрабатывая структурный нарратив, мы основываемся на уже существующем формальном аппарате традиционного словесного повествования — тексте и грамматических правилах связывания его смысловых единиц. Мы разрабатываем структурный нарратив как способ совершенствования уже существующих инструментальных возможностей словесного выражения смыслов и управления ими, предоставляемых традиционным рассказом, оформленным в виде текста.

Заключение

На сегодня сохраняющейся эпистемологической особенностью любого нарратива оказывается его членение на «сюжетную» и «структурную» ипостаси (Berger, Quinney 2004: 4). В практически используемом нарративе сюжет и его структура переплетены в понимании человека, осознающего рассказ как целостную реальность. Однако такое восприятие ограничено интеллектуальными возможностями отдельного агента нарратива. Для того чтобы продемонстрировать, каким образом требуемая целостность повествования может формироваться сообществом лиц с помощью смысловых действий, мы предлагаем структурный нарратив. Нетрадиционность нашего предложения заставляет уделить особое внимание обоснованию моделей смысловых отношений, используемых при создании и практическом применении нарратива нового типа. В рамках такого обоснования мы рассматриваем, во-первых, данную статью. В развитие ее тезисов мы планируем четыре основные публикации, которые детализируют понятия и положения, лежащие в основе структурного нарратива.

Во-вторых, рукопись под рабочим названием «Нарратив как метод описания социальной реальности». Ее цель — разъяснить, что, наряду с функцией словесного описания чего бы то ни было, рассказ осуществляет декомпозицию социальных феноменов, описываемых с его помощью. Декомпозиция посредством нарратива позволяет преодолеть ограниченность координатного метода, нашедшего широкое применение в естественно-научных дисциплинах. Такая декомпозиция выполняется в виде *наблюдаемых отношений*, представляющих собой специфическую репрезентацию информации о реальных или конструируемых ситуациях. Воспроизведение реальности с помощью наблюдаемых отношений функционирует благодаря навыкам агентов

нарратива и необходимо для практического осуществления социальных действий в многообразных контекстах их выполнения.

В-третьих, рукопись «Нарратив и скрываемое им знание» посвящена сетевой метафоре латентного знания. На основе разрабатываемой метафоры мы объясняем, в чем состоят сетевые структурные особенности латентного знания, которые приводят к инструментальной специфике операций со смыслами, выполняемых посредством нарратива. В их числе: способы неявного выражения контекста отдельных словесных утверждений в составе текста; переопределению смысловых отношений между отдельными обозначениями в терминах грамматики естественного языка; связыванию смыслов с помощью грамматически структурированного текста и т. п.

В-четвертых, рукопись под условным названием «Смысловые операции автора нарратива». Центральным понятием этой рукописи служит *смысловое единство* словесного рассказа. На основе сетевой метафоры латентного знания, раскрытой в предыдущей публикации, мы стремимся показать, в чем именно состоят смысловые операции автора нарратива, которые переводят умозрительное представление о смысловой целостности словесного повествования, существующее в «голове» единичного автора, в текст, понимаемый каждым его читателем. В числе таких операций мы исследуем артикулирование единичного смысла, задание контекста на основе сетевой организации латентного знания, связывание смыслов с помощью грамматически структурированного текста, создание смысловых цепочек, выражение смыслового единства в виде множеств смысловых цепочек.

В-пятых, рукопись с названием «Структурный нарратив: кредо, принципы и модели» вводит *модели* смысловых операций агента нарратива, которые инструментально выражают методологические посылки и принципы словесного повествования, изложенные в первых четырех публикациях. Структурный нарратив представлен как прототип оригинальной ИКТ, совмещающей в своей функциональности гуманитарные и информационные традиции моделирования общества.

Источники

Блог про нейросети // ChatGPT на русском [сайт]. — 2024. — URL: <https://trychatgpt.ru/> (дата обращения: 23.09.2024).

Валгина Н. С. Теория текста. — М.: Логос, 2003.

Каньгин Г. В. Проблемы сетевого подхода в социологии // Петербургская социология сегодня. — 2023. — Вып. 21. — С. 72–88. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-21.cpww-t559.

Каныгин Г. В. Ненаблюдаемость социальных феноменов // Социологические исследования. — 2010. — № 5. — С. 26–33.

Каныгин Г. В., Полтинникова М. С., Корецкая В. С. Опыт построения социального знания на основе компьютерных онтологических методов // Социологический журнал. — 2017. — Т. 23, № 3. — С. 25–41. — URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/5367/5564> (дата обращения: 23.09.2024).

Каныгин Г. В., Хорева Л. В. Концептуальное моделирование ESG-рейтингов: новый подход к принятию коллективных решений // Международный научно-исследовательский журнал. — 2022. — № 1 (115). — Ч. 3, Янв. — С. 24–29. — DOI: 10.23670/IRJ.2022.115.1.074.

Мальцева Д. В. Сетевой подход как феномен социологической теории // Социологические исследования. — 2018. — № 4. — С. 3–14.

Моин В. Б. Альтернативная интерпретация данных: атрибутивный подход // Социологические исследования. — 1990. — № 11. — С. 62–71.

Троцук И. В. Нарративный анализ в социологии (Возможности практического применения): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01. — М., 2005.

Черниговская Т. В. Мозг ничего не забывает: Лекция на YouTube-канале «Бесплатная психология». — URL: https://www.youtube.com/watch?v=71RgWbXW_Ks (дата обращения: 23.09.2024).

Allais M. La Science Économique D'aujourd'hui et les Faits // Revue des Deux Mondes. — 1990. — No. 6. — P. 54–74.

Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. — New York: Doubleday & Company, 1966.

Berger R. J., Quinney R. The Narrative Turn in Social Inquiry // Storytelling Sociology: Narrative as Social Inquiry / R. J. Berger, R. Quinney (eds.). — Boulder; Colo: Lynne Rienner Publishers, 2004. — P. 1–13.

Chergui W., Zidat S., Marir F. An approach to the acquisition of tacit knowledge based on an ontological model // Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences. — 20206. — No. 32 (7). — P. 818–828. — DOI: 10.1016/j.jksuci.2018.09.012.

Choosing Qualitative Data Analysis Software: Qualitative Research Methods. — 2024. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dYaAtuERpDI&list=PL1M5Ts fDV6VupRxtz1xmovTXBGTgIEsXm> (access date: 23.09.2024).

Dragicevic N., Ullrich A., Tsui E., Gronau N. A conceptual model of knowledge dynamics in the industry 4.0 smart grid scenario // Knowledge Management Research & Practice. — 2020. — No. 18, iss. 2. — P. 199–213. — DOI: 10.1080/14778238.2019.1633893.

Eysenck M., Keane T. Cognitive Psychology. — 5th ed. — New York: Psychology Press, 2005.

Graphviz [сайт]. — 2024. — URL: <https://graphviz.org/> (access date: 23.09.2024).

Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions. — Chicago: The University of Chicago, 1962.

Mohajan H. K. Sharing of Tacit Knowledge in Organizations: A Review // American Journal of Computer Science and Engineering. — 2016. — Vol. 3, no. 2. — P. 6–19.

Nonaka I., Takeuchi H. The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. — New York: Oxford University Press, 1995.

Noy N. F., McGuinness D. L. Ontology Development 101: A Guide to Creating Your First Ontology. — 2001. — URL: https://www.researchgate.net/publication/243772462_Ontology_Development_101_A_Guide_to_Creating_Your_First_Ontology (access date: 02.11.2021).

Polanyi M. The tacit dimension. — New York: Doubleday and Company, 1966.

Polanyi M. Knowing and Being. — London: Routledge & Kegan Paul, 1969.

QDA Miner // Qualitative Data Analysis software [сайт]. — 2024. — URL: <https://provalisresearch.com/products/qualitative-data-analysis-software/> (access date: 23.09.2024).

Swedberg R. On the Near Disappearance of Concepts in Mainstream Sociology // Concepts in Action: Conceptual Constructionism / H. Leuifsrud, P. Sohlberg (eds.). Leiden; Boston: Brill, 2018.

Thompson R. Reporting the Results of Computer-assisted Analysis of Qualitative Research Data // Forum Qualitative Sozialforschung Forum: Qualitative Social Research. — 2002. — No. 3 (2). — DOI: 10.17169/fqs-3.2.864.

Urry J. The Complexities of the Global // Theory, Culture & Society. — 2005. — Vol. 22, no. 5. — P. 235–254.

Virtanen I. How Tacit Is Tacit Knowledge? Polanyi's theory of knowledge and its application in the knowledge management theories: academic dissertation. — 2014. — URL: <https://clck.ru/Yditd> (access date: 23.09.2024).

Wagner Ch. Breaking the Knowledge Acquisition Bottleneck Through Conversational Knowledge Management // Information Resources Management Journal. — 2006. — Vol. 19, no. 1 (Jan.–March). — P. 70–83.

Сведения об авторе

Каныгин Геннадий Викторович, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
g.kanygin@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 23.09.2024;

поступила после рецензирования и доработки: 30.09.2024;

принята к публикации: 30.09.2024.

GENNADY V. KANYGIN

*Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation*

NARRATIVE AND ITS EPISTEMOLOGICAL FEATURES

Abstract. The article opens a cycle of five works that analyze the epistemological features of narrative as a tool for structuring social information based on its meanings. The article formulates research hypotheses that are common to all works in the cycle: on the expression of the semantic structure of narrative in an implicit form; on the semantic decomposition of the plot of the narrative; on the expression of latent knowledge through text; on the possibility of generating the semantic unity of narrative in the form of its semantic structure; on the existence of narratives of different types. The presentation is based on the disclosure of the concept of “semantic operation”, emphasizing the specificity of verbal narration as a practically used tool that allows a person to manifest his latent knowledge through a grammatically structured text. Among the key epistemological features of narrative, formulated in the article: the possibility of overcoming with its help the paradigmatic limitations of natural scientific approaches; pragmatic use of skills as a semantic justification for narrative; the transient nature of the textual method of expressing latent human knowledge. Proposals are formulated to improve the functional capabilities of social information analysis based on meanings by creating a structural narrative. The structural narrative is presented as a conceptual basis for new information and communication technologies that provide their users with the functionality of modern ontological methods when operating social information based on meanings.

Keywords: structural narrative, skills, grammatically structured text, semantic structure, tacit knowledge, latency.

For citation: Kanygin G. V. Narrative and its epistemological features. *St. Petersburg Sociology Today*. 2024. No. 25. P. 5–31. DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.r5rm-e938; EDN: PRRVKD

References

- Allais M. La Science Économique D’aujourd’hui et les Faits. *Revue des Deux Mondes*, 1990, no. 6, pp. 54–74.
- Berger P. L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York, Doubleday & Company, 1966.
- Berger R. J., Quinney R. The Narrative Turn in Social Inquiry. *Storytelling Sociology: Narrative as Social Inquiry*, R. J. Berger, R. Quinney (eds.). Boulder, Colo, Lynne Rienner Publishers, 2004, pp. 1–13.
- Blog pro neyroseti. ChatGPT na rusском*. 2023. URL: <https://trychatgpt.ru/> (access date: 23.09.2024). (In Russ.)

Chergui W., Zidat S., Marir F. An approach to the acquisition of tacit knowledge based on an ontological model. *Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences*, 2020, 32(7), pp. 818–828. DOI: 10.1016/j.jksuci.2018.09.012.

Chernigovskaya T. V. *The brain does not forget anything*. Lecture on the YouTube channel “Free Psychology”. 2024. URL: https://www.youtube.com/watch?v=71RgWbXW_Ks (access data: 23.09.2024). (In Russ.)

Choosing Qualitative Data Analysis Software: Qualitative Research Methods. 2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dYaAtuERpDI&list=PL1M5TsfDV6VupRxtz1x-movTXBGTgIEsXm> (access data: 23.09.2024).

Dragicevic N., Ullrich A., Tsui E., Gronau N. A conceptual model of knowledge dynamics in the industry 4.0 smart grid scenario. *Knowledge Management Research & Practice*, 2020, no. 8, iss. 2, pp. 199–213. DOI: 10.1080/14778238.2019.1633893

Eysenck M., Keane T. *Cognitive Psychology*. 5th ed. New York, Psychology Press, 2005. *Graphviz* [website]. 2024. URL: <https://graphviz.org/> (access data: 23.09.2024).

Kanygin G. V. Problems of the network approach in sociology. *St. Petersburg Sociology Today*, 2023, no. 21, pp. 72–88. DOI: 10.25990/socinstras.pss-21.cpww-t559. (In Russ.)

Kanygin G. V. Unobservability of social phenomena. *Sotsiologicheskie issledovanija*, 2010, no. 5, pp. 26–33. (In Russ.)

Kanygin G. V., Khoreva L. V. Conceptual modeling of ESG ratings: a new approach to making collective decisions. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2022, no. 1 (115), part 3, January, pp. 24–29. DOI: 10.23670/IRJ.2022.115.1.074. (In Russ.)

Kanygin G. V., Poltinnikova M. S., Koretskaya V. S. Experience of constructing social knowledge based on computer ontological methods. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2017, vol. 23, no. 3, pp. 25–41. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/5367/5564>. (In Russ.)

Kuhn T. S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, The University of Chicago, 1962.

Maltseva D. V. Network approach as a phenomenon of sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovanija*, 2018, no. 4, pp. 3–14. (In Russ.)

Mohajan H. K. Sharing of Tacit Knowledge in Organizations: A Review. *American Journal of Computer Science and Engineering*, 2016, vol. 3, no. 2, pp. 6–19.

Moin V. B. Alternative interpretation of data: attributive approach. *Sotsiologicheskie issledovanija*, 1990, no. 11, pp. 62–71.

Nonaka I., Takeuchi H. *The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation*. New York, Oxford University Press, 1995.

Noy N. F., McGuinness D. L. *Ontology Development 101: A Guide to Creating Your First Ontology*. 2001. URL: https://www.researchgate.net/publication/243772462_Ontology_Development_101_A_Guide_to_Creating_Your_First_Ontology (access data: 02.11.2021).

Polanyi M. *Knowing and Being*. London, Routledge & Kegan Paul, 1969.

Polanyi M. *The tacit dimension*. New York, Doubleday and Company, 1966.

QDA Miner: Qualitative Data Analysis software [website]. 2024. URL: <https://provalresearch.com/products/qualitative-data-analysis-software/> (access data: 23.09.2024).

Swedberg R. On the Near Disappearance of Concepts in Mainstream Sociology. *Concepts in Action: Conceptual Constructionism*. H. Leiuflsrud, P. Sohlberg (eds). Leiden, Boston, Brill, 2018.

Thompson R. Reporting the Results of Computer-assisted Analysis of Qualitative Research Data. *Forum Qualitative Sozialforschung Forum: Qualitative Social Research*, 2002, no. 3 (2). DOI: 10.17169/fqs-3.2.864.

Trotsuk I. V. *Narrative analysis in sociology (Possibilities of practical application)*: Dis. ... Cand. Sociological Sciences: 22.00.01. Moscow, 2005. (In Russ.)

Urry J. The Complexities of the Global. *Theory, Culture & Society*, 2005, vol. 22, no. 5, pp. 235–254.

Valgina N. S. *Text theory*. Moscow, Logos, 2003. (In Russ.)

Virtanen I. *How Tacit Is Tacit Knowledge? Polanyi's theory of knowledge and its application in the knowledge management theories*. Academic dissertation. 2014. URL: <https://clck.ru/Yditd> (access data: 23.09.2024).

Wagner Ch. Breaking the Knowledge Acquisition Bottleneck Through Conversational Knowledge Management. *Information Resources Management Journal*, 2006, vol. 19, no. 1, pp. 70–83.

Information about the author

Kanygin, Gennady V., Doctor of Sociology, Leading Researcher.
Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation.
g.kanygin@gmail.com

Received: 23.09.2024;

revised after review: 30.09.2024;

accepted for publication: 30.09.2024.